

II

Массовые политические забастовки, вспыхнувшие в ряде европейских стран в 1890-е гг., ставили перед собой цели, отличные от революции. В 1893 г. в Бельгии и Швеции рабочие объявили забастовки не с намерением свергнуть буржуазный порядок, но с ясной политической целью завоевания всеобщего избирательного права.

Однако в Великобритании и Германии, двух наиболее капиталистически развитых странах Европы, к всеобщей забастовке относились холодно. Участникам английского движения эта идея казалась похороненной вместе с чартизмом, а в Германии большинство социал-демократических лидеров разделяли максиму Игнаца Ауэра: *«Всеобщая забастовка – всеобщее безумие»*. Однако в те же годы немецкий пролетариат проявил большую боевитость: в 1903–1904 гг. в Криммичау произошла великая всеобщая забастовка текстильщиков, а в январе 1905 г. вспыхнула крупная забастовка на рудниках Рура. В том году число забастовщиков выросло до более чем полумиллиона. Именно в этой атмосфере борьбы Германия узнала о Кровавом воскресенье в Санкт-Петербурге (22 января 1905 г.)¹.

Споры о партии

Стихийные массовые забастовки в Германии и в целом в Европе вызвали живую конфронтацию в рядах социал-демократов, принявшую форму партийных дебатов. Пауль Фрëлих в своей биографии Розы Люксембург реконструирует это *«очень интересное созвездие различных мнений»*.

Профсоюзные лидеры в принципе отвергали политическую забастовку. На съезде профсоюзов в Кёльне в мае 1905 г. их рупор Теодор Бёмельбург заявил: *«Для распространения и укрепления наших организаций нам нужны мир и спокойствие в рабочем движении»*. По словам Фрëлиха, профсоюзы больше всего боялись *«потерять тактическую независимость по отношению к партии»*.

Рядом с профсоюзными лидерами стояла *«относительно небольшая группа реформистских партийных лидеров»*, таких как Вольфганг Гейне, которые опасались, что за массовой забастовкой последует *«революция»*, и боялись нарушить *«границы законности»*.

Однако в реформистском крыле были и те, кто энергично поддерживал массовую политическую забастовку: они видели в ней средство защиты демократических прав, таких как всеобщее избирательное право, а некоторые, как пишет Фрëлих, даже надеялись *«с помощью этих средств установить парламентский режим и таким образом реализовать свои самые смелые мечты: постепенное завоевание политической власти посредством политики коалиций»*. Среди этих партийцев были Эдуард Бернштейн, Фридрих Штампфер, Курт Эйсер.

К *«подобной»* группе, продолжает Фрëлих, принадлежало *«большинство депутатов, редакторов и чиновников»*, вращавшихся *«вокруг партийного руководства»*. Они отказывались от сотрудничества с буржуазными партиями и от вступления в коалиционное правительство, но надеялись завоевать парламентское большинство на демократических началах и тем самым осуществить социалистическую революцию. Уже в 1903 г. Рудольф Гильфердинг выразил концепцию этой группы в *Neue Zeit*, указав, что всеобщая забастовка – это *«регулирующая идея»*, то есть просто угроза, которую, как надеются, не придётся реализовывать, но которая служит для завоевания всеобщего избирательного права и других демократических прав.

Каутский и эпоха пролетарских революций

Тогдашний лидер борьбы с оппортунизмом Карл Каутский рассматривал массовую политическую забастовку с революционной точки зрения. Историк Массимо Л. Сальвадори рассказывает об этом в тексте *“Каутский и социалистическая революция”*. В статье *“Кёльнский съезд профсоюзов”*, опубликованной в *Neue Zeit*, Каутский раскритиковал заявления Бёмельбурга: *«Странная ирония судьбы: на съезде профсоюзов провозглашается необходимость спокойствия со стороны профсоюзов в тот самый год, который является более революционным, чем любой другой за поколение»*. Пока в России разворачивалось

восстание против царского абсолютизма, в Штатах вспыхнул *«бунт против абсолютизма трестов»*. Сейчас Германия, продолжает Каутский, является наиболее близким к России режимом в Европе с политической точки зрения, в то время как по силе своего капиталистического развития она наиболее близка к Соединённым Штатам и поэтому представляет собой *«смесь»* двух стран. Обращение к оружию всеобщей политической забастовки в Германии возможно только в революционной ситуации, но именно это и должны понять профсоюзы. *«Мы ждём революционных ситуаций и для Германии»*, – пишет Каутский в статье *“Последствия победы Японии и социал-демократия”*. В этот момент забастовка будет рассматриваться как *один* из возможных моментов революционного процесса, но в рамках широкого и чётко сформулированного *политического* действия, возглавляемого партией.

По вопросу о всеобщей забастовке Каутский через *Neue Zeit* вступил в острую полемику с центральным органом партии газетой *Vorwärts*, приведшую к отставке главного редактора последней Курта Эйслера.

В статье *“К съезду партии”*, опубликованной к Йенскому съезду (сентябрь 1905 г.), Каутский рассматривает значение Русской революции. Он подчёркивает, что *«промышленный пролетариат»* представляет собой *«самую мощную движущую силу»*, и проводит сравнение с Парижской коммуной: *«Она, несмотря на эпизодическое проявление силы социалистического пролетариата, положила конец эпохе буржуазных революций в Европе. Русская революция, несмотря на свой буржуазный характер, представляет собой начало эпохи пролетарских революций, к которой мы идём»*. По этой причине даже в Германии была необходима дискуссия о применении массовой политической забастовки. Каутский упоминает здесь тезис, который он будет развивать и в дальнейшем: теперь именно Восток открывает революционный путь для Запада.

Люксембург и Русская революция 1905 года

Роза Люксембург также помещала в центр своих размышлений Русскую революцию. В статье *“Массовая стачка, партия и профсоюзы”* (1906) она цитирует отрывок из *“Бакунистов за работой”* Энгельса, критическая аргументация которого, как она комментирует, *«полностью соответствует масштабу анархистской теории всеобщей забастовки, то есть теории всеобщей забастовки как средства начала революции»*. Однако теперь, заявляет Люксембург, Русская революция 1905 г., когда массы впервые применили забастовку, типичное оружие пролетариата, открыла *«новую эру в развитии рабочего движения»* и заставляет подвергнуть аргументы Энгельса *«радикальному пересмотру»*. По её словам, на самом деле *«массовая забастовка, как показывает нам Русская революция»*, является уже не одним из возможных моментов революционного процесса, а *«формой революционной борьбы»*, *«способом движения пролетарской массы, формой проявления пролетарской борьбы в революции»*.

Здесь проявляется склонность люксембургинской концепции к спонтанеизму, то есть чрезмерному доверию к революционному давлению масс, что ведёт к недооценке сути организации, которую Люксембург воспринимала как результат, а не предпосылку революционного процесса. Это будет сутью её спора с Лениным по поводу роли партии. И её идея *“организации-процесса”* заслужит упрёк в объективизме, обесценивающим сознательное и организованное действие.

Роль субъективного элемента в историческом процессе является узловым вопросом, над которым Люксембург глубоко задумывалась, о чём свидетельствует её письмо Каутскому от 13 июля 1900 г., в котором она выражает свои мысли, возникающие у неё во время поездок мимо Рейнского водопада: *«[...] каждый раз [...], когда я [...] вижу это величественное зрелище, [...] сердце замирает и что-то говорит во мне: там враг. Вы поражены? Конечно, это враг человеческого тщеславия, которое о себе такого высокого мнения и вдруг оказывается ничем. [...] и человек со своей волей, умением, знанием становится таким ненужным»*. Люксембург как будто восстаёт против этого фатализма: *«Поэтому я ненавижу такую философию [...] и остаюсь при убеждении, что лучше броситься в Рейнский водопад и исчезнуть в нём, как скорлупа, чем дать ему и дальше шуметь, мудро покачивая головой, как он шумел при наших предках и будет шуметь после нас»²*. Но, несмотря на то, что Люксембург не была обделена

волей к действию, эта склонность была очень далека от ленинистской концепции партии-плана, сочетающей в себе стратегию и организацию.

Однако это не значит, что Люксембург отрицала роль партии в классовой борьбе. Ведь, по её мнению, один из уроков Русской революции 1905 г., когда *«всё политическое руководство [...] находилось в руках социал-демократической организации»*, состоял в следующем: *«Родина Бакунина должна была стать могилой его учения»*. Затрагивая вопрос об отношениях между партией и профсоюзами, Люксембург утверждает, что политическое руководство должно находиться в руках первой, чтобы обезопасить революционную стратегию от ревизионистских тенденций тред-юнионизма.

Йена и Мангейм

На Йенском съезде в сентябре 1905 г. Август Бебель выступил против ревизионизма, и партия одобрила его резолюцию, в которой всеобщая забастовка признавалась *«одним из наиболее эффективных средств»* защиты всеобщего избирательного права и тем более всеобщей классовой борьбы.

Каутский связывает Дрезденский (1903) и Йенский съезды, развивая при этом иллюзию, будто первый победил теоретический ревизионизм, а второй – профсоюзы. В августе 1906 г. он опубликовал статью *“Партия и профсоюз”*, в которой отмечал, что профсоюз *«представляет прежде всего интересы только своих членов»*, а партия – *«интересы всего пролетариата»*, что *«профсоюзное движение само по себе это движение без конечной цели»* и, наконец, что задачей каждого социал-демократического профсоюзного деятеля должна быть *«борьба за партию в профсоюзе»*.

Борясь с влиянием профсоюзов, Каутский подвергся нападкам со стороны Фридриха Штампфера, который обвинил его в предательстве Русской революции, отказе от прямого действия в форме всеобщей забастовки в Германии. В ответ Каутский в статье *“Моё предательство русской революции”* упрекает Штампфера в *«волютаризме»*: *«Революции не могут быть сфабрикованы»*, и *«только те, кто не верит в скорый мировой перелом»*, подобно Штампферу, могут проявлять *«детское»* нетерпение, что приводит к нереалистичным прихотям.

Но итоги следующего Мангеймского съезда (сентябрь 1906 г.) касаются уже не только способа понимания всеобщей забастовки, но затрагивают решающий вопрос о политической автономии социал-демократии, смещая центр тяжести отношений между партией и профсоюзами в пользу последних. Ревизионистскому течению Бернштейна и Давида, проповедовавших *«социальное умиротворение»*, к которому призывали профсоюзы, благоприятствовало расширение рабочего протеста. Каутский попытался отстоять приоритет политического руководства со стороны партии, но его предложение было отвергнуто. Мангеймский съезд постановил, что партия должна принимать принципиальные решения по согласованию с профсоюзами.

Этот вопрос носил не только академический характер. В те годы империалистическое созревание ведущих держав подготавливало почву для мировой войны, которая поставила перед *политической* организацией класса задачу перевести империалистическую войну в революцию.

Февраль 2024 г.

¹ - 9 января по Юлианскому календарю.

² - Люксембург Р. Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896–1918 гг.). М.: Красная новь, 1923. С. 52–55.